

Он пришел посреди ночи, его нес свежий генин, которому человек в маске заплатил пятьдесят рю, чтобы тот доставил его прямо к Учихе Фугаку, без лишних вопросов.

Фугаку дрожащими руками открыл его, томоэ его Шарингана вращалось, проверяя наличие меток, печатей, подписей чакры - любого намека или подсказки. Ничего не было, только обычная бечевка и коричневая бумага, закрывающая обычную белую пластиковую коробку с обычной пломбой. Было странно холодно.

"Отец, ты уверен..."

Фугаку тяжелым взмахом руки заставил Итачи замолчать. Микото стояла у двери, в одной руке она умело держала кунай, а в другой собирала чакру. Теперь никто из них не спал спокойно.

Странно спокойными руками он одним движением большого пальца разбил защитную печать. Шкатулка зашипела, и от краев крышки, которые были открыты в отсутствие работающей печати, поднялся холодный туман.

Три пары клубящихся красных глаз следили за движением исчезающего тумана, впечатывая его непостоянство в незабываемую память. Только водяной пар с легким намеком на чакру, слишком слабым, чтобы быть чем-то, кроме краткого мерцания синего цвета, а затем - ничего.

Фугаку открыл шкатулку.

Шаринган прорезал внезапно нахлынувший холодный туман, и взору предстал комок плоти, лежащий на ледяной подушке, белый и усеянный сгустками застывшей крови. Раздался глухой стук, и Фугаку поднял голову: призрачное бледное лицо Микото было впечатано в его зрение. Сколько бы он ни жил, Фугаку всегда будет помнить выражение ее лица, маленькое "о" из ее рта, кунай, до рукояти зарытый в пол, слабый трепетный стук ее сердца, пульсирующего во впадине горла.

"Это ухо Сасукэ, - в ужасе прошептал Итачи.

Его руки больше не были спокойны. Они дрожали, словно листья, трепещущие перед лицом мстительного ветра. Он поднял маленькую дощечку, лежащую рядом, и Фугаку вздрогнул, отказываясь понимать.

Это была дешевая рисовая бумага, продававшаяся в канцелярских магазинах по копейке за сотню листов. Фугаку поднес ее к свету, и бумага задрожала так сильно, что он едва смог прочитать, что на ней написано. Рука Итачи ухватила за его руку, заставляя ее выпрямиться.

Чернила были тусклого ржаво-коричневого цвета - цвета засохшей крови, медленно осознал Фугаку. И только один иероглиф был написан твердой рукой, мазки были чистыми и точными.

Урожай

И только тишина, холодная, спокойная и тяжёлая, как бронежилет Кака-нии, поглощала его своей пустотой. Наруто хотелось нарушить её, хотелось раскрасить стены комнаты в яркий, громкий оранжевый цвет, закричать, разрушить тишину, рассмеяться, выйти из комнаты и поиграть с Рёу-тян, Сасукэ и Сакурой.

Вместо этого он остался сидеть в углу комнаты и смотреть, как светятся и тускнеют нарисованные на стенах картины, как черное переходит в синее и снова в черное.

Старуха сидела перед рисовыми дверями, склонив белую голову над вязанием, и спицы в ее руках мелькали, как рыба чешуя. Она вошла в комнату вместе с ним, сильные костлявые руки впихнули его в комнату, и она зажгла нарисованные слова на стене своей катрой, как однажды показал ему Какаши-нии-сан, но обычно нарисованные слова в квартире загорались только тогда, когда Наруто хотел войти внутрь, и он должен был отпереть дверь, положив руку на специальную картинку.

"Я хочу в туалет", - громко сказал Наруто, просто так, хотя на самом деле ему это было совсем не нужно.

"Тише, демоническое отродье", - сказала старая толстая бабушка, даже не поднимая глаз от своего дурацкого вязания.

Она, как и все остальные взрослые, обзывала его и оглядывалась на него, и Наруто хотелось кричать, кричать и кричать, чтобы она поняла, что он - Узумаки Наруто, величайший проказник в мире и младший брат Какаши-нии-сан!

"Какаши-нии-сан уже вернулся?" потребовал Наруто, барабанил каблуками по полу, чтобы хоть как-то пошуметь.

"Мальчик, Хатаке тебя сейчас меньше всего должен волновать", - фыркнула старая бабушка, голос у нее был дряхлый и скрипучий, словно из сказок про старых ведьм, живущих в лесу.

"Ты мне не нравишься", - сказал Наруто и сильно хлопнул ногой по ноге, даже не скорчив гримасу, хотя было очень больно. "Я хочу, чтобы вместо тебя вернулась Шисуи". По крайней мере, Шисуи разговаривал и играл с Наруто, и они вместе рисовали картинки с суперкрутым костюмом Хокаге, который Наруто собирался надеть, когда станет ниндзя ранга S. Но Наруто видел, как устал Шисуи-кун: под глазами у него были темные пятна, а лицо было таким бледным и белым, даже для Учихи (Наруто считал себя обычным экспертом по Учихам, прожив с ними несколько недель и недель и недель. Учиха обычно были бледными, как рисовая бумага, и, когда они находились на солнце, никто из них никогда не становился коричневым, как Наруто, а лишь пятнисто-блестящим красным, который шелушился, а затем снова становился белым. Семья Сасукэ, думал Наруто, была довольно странной).

Однажды Наруто спросил его о поисках, которые ведутся снаружи, но Шисуи лишь улыбнулся, и прижал Наруто к своей груди так крепко, что Наруто показалось, будто он сейчас лопнет. Он не жаловался и только слушал, как Шисуи говорит, что они очень стараются, и если Наруто будет немного терпеливее, то ему придется еще немного посидеть в таком укрытии, чтобы не пропасть, как Сасукэ...

Сасукэ!

Наруто свернулся в клубок, подтянув колени к груди, и опустил голову. Он так долго ждал возвращения Какаши-ни-сана, а теперь Сасукэ пропал, и Наруто застрял в этой дурацкой крошечной комнате со светящимися картинками и старой толстой дамой, и он не плакал, он уже большой ребенок, а большие дети не плачут...

"Старуха отложила вязание, впервые с тех пор, как вошла в комнату, и, ковыляя, подошла к Наруто, согнув спину, как древнее дерево. Она достала из глубин своего кимоно чистый белый платок и грубо вытерла Наруто лицо.

"Подуй, сопляк, - скомандовала она, держа платок над носом Наруто, и Наруто дунул так громко, что загудел, как гусь. Он захихикал, а старуха фыркнула и убрала грязный платок.

"Мы найдем его", - сказала старая бабушка и села как положено, как заставлял их сидеть Фугаку-сан во время еды. "И Хатаке вернется за тобой".

"Но откуда ты знаешь наверняка?" спросил Наруто, глядя на свои носки. Они были его любимыми, с маленькими зелеными лягушками, танцующими по всему оранжевому фону. Какаши-ни-сан купил их ему, когда они отправились в большой поход по магазинам после того, как он сказал Наруто, что они будут жить вместе.

"Потому что я очень старая и многое знаю", - сказала старая бабушка, поджав морщинистые губы. "А еще я знаю, что тебе уже давно пора делать уроки по хирагане".

"Ненавижу домашние задания", - пробормотал он.

Старая бабушка бросила на него злобный взгляд, и Наруто, ворча, поплелся к рабочему столу в дальнем конце комнаты, медленно волоча зад по полу и не поднимая его.

"Пройдись", - сказала старуха, ее голос был очень жестким и холодным.

Наруто продолжал медленно волочить свой зад.

"Демонское отродье!"

Наруто вскочил и наставил на нее палец. "Меня зовут Узумаки Наруто, и не забывай об этом!" - крикнул он и топнул ногой. "Не демон, не отродье и вообще! Я - Наруто".

Они долго смотрели друг на друга, Наруто становился все краснее и краснее, все злее и злее, а еще, может быть, немного испугался, но ниндзя никогда не отступают, и он собирался стать лучшим из всех!

"Узумаки", - наконец сказала старая бабушка и отвернулась. "Иди делай уроки".

Наруто подошел к столу, выдвинул стул и тяжело сел. Потом он поморщился, потому что сидеть было очень больно, и потёр задницу. Картинки, которые он нарисовал вчера, всё ещё лежали на столе, и Наруто выбрал свою любимую - на ней он, Саске и Сакура стояли вместе (не держась за руки, потому что это для девочек), а Какаши-нии-сан стоял сзади, очень высокий и улыбающийся. Шисуи помог ему подкрасить волосы всем, особенно седые колючки Какаши-нии-сана.

"Возвращайся скорее", - прошептал он, глядя на фотографию своей семьи.

<http://tl.rulate.ru/book/101266/3492540>